

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мария Купчинова

Зов

Сборник рассказов. Зов творчества - неодолим...

Мария Купчинова

Зов. Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49763623

SelfPub; 2020

Аннотация

Сборник рассказов о творчестве. В науке ли, живописи, литературе зов творчества неодолим, и слишком часто плата за него – одиночество. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Подобно тому, как произрастают фиалки
Конец ознакомительного фрагмента.

4

27

Подобно тому, как произрастают фиалки

На стене актового зала университета три больших портрета в массивных рамах. Слева – темноволосый круглолицый юноша в военном кителе; густые брови, чуть раскосые черные глаза, крепко сжатые губы. Справа – мужчина лет сорока с правильными чертами лица, одетый по моде девятнадцатого века: наглухо застегнутый сюртук, из-под шейного платка выглядывают отогнутые уголки воротника рубашки. В чем-то эти двое похожи. Быть может, это всего лишь вольность, которую позволил себе художник, но кажется, проницательные глаза обоих смотрят сквозь время и пространство. Только к взгляду юноши примешивается обида и недоверчивость, а у старшего в глазах – усталость и понимание. Посередине – портрет мэтра. Седой, благообразный, он спокоен и полон уверенности в себе.

Профессор, пожилой солидный мужчина в несолидных вытертых джинсах и клетчатой рубашке с закатанными рукавами, рассеянно слушает докладчика и рассматривает портреты на стене. Интересно, как повели бы себя эти трое, окажись они сейчас здесь, на конференции, посвященной применению неевклидовой геометрии в физике и математике? Младший Бойяи наверняка обрадовался бы признанию, Ни-

колай Иванович воодушевился бы, глядя на молодежь, продолжающую его исследования, а король математиков... ну, на то он и король. Сказал бы: «Я предвидел это. Но вон тот, стендовый доклад слева – очень смело»...

В перерыве пленарного заседания, когда участники конференции, словно малые дети, гурьбой устремились к столам, на которых гостеприимные хозяева выставили бутерброды, печенье и разливали по чашкам чай – кофе, профессор подошел к стендовому докладу, еще раз вчитался, посмотрел фамилии авторов и улыбнулся.

Десятый «Б» мог вывести из себя ангела.

Невысокого роста, начинающий лысеть, в турецком свитере с растянутой горловиной и ботинках, старость которых не могла скрыть обувная щетка, Михаил Сергеевич на ангела походил мало. Доктор физико-математических наук, он пришел работать в школу, когда развалилась страна, казавшаяся незыблемой.

Предприятия, которые еще продолжали работать, расплачивались с работниками производимой продукцией. Академия Наук тоже продолжала работать. Но что она могла предложить своим сотрудникам? Несколько новых гипотез? Пару научных статей, объясняющих устройство мира? В 90-ые годы прошлого века это был неходовой товар. Зарплату давали очень и очень нерегулярно, а дома Михаила Сергеевича кроме жены ждали двое детей и двое стариков. Торговать

Михаил Сергеевич не умел; в школе хоть и мало, но все-таки платили.

Еще Михаил Сергеевич не умел халтурить на работе. Поэтому днем он ходил в школу, гордо назвавшуюся гимназией, а после занятий до ночи задерживался в институте, решая вопросы устройства мироздания. К счастью, физику-теоретику для работы необходимы лишь ручка и лист бумаги. На огонек в кабинет часто забегал первый аспирант Михаила Сергеевича, худющий, с волосами, вечно торчащими в разные стороны, Миша Петровский и робко просил:

– Михаил Сергеевич, можно я посижу с вами? В аспирантском общежитии так холодно.

Положим, в зданиях Академии Наук тоже практически не топили, но жена Михаила Сергеевича проявляла чудеса изобретательности, собирая из «ничего» «ссобойку», и старалась сделать ее чуть больше, зная, что муж все равно поделится с тезкой.

Ночь оставалась для подготовки к урокам и проверки тетрадей. Все бы ничего, только постоянно хотелось спать.

Вот и сейчас Михаил Сергеевич оглядывал класс и больше всего боялся стоя заснуть, так тянуло закрыть глаза.

Десятый «Б» как обычно бурлил. На двух последних партах играли в морской бой, остальных броуновское движение гоняло с места на место в поисках выплеска энергии.

Вообще-то мальчишки эти Михаилу Сергеевичу нравились. Школа находилась в «спальном» микрорайоне, и боль-

шинство учеников были из семей черныбыльских переселенцев. В гимназию они поступили не после занятий с репетиторами и не по благу, а благодаря собственным светлым головам. Правда, учиться эти светлые головы не слишком рвались – реальность за школьными дверями формировала другие приоритеты.

– Смоляков, не жаль время на игрушки тратить? – преподаватель подошел к игрокам в морской бой.

– Да ладно, Михал Сергеич, – лениво приподнялся с парты круглолицый паренек и взмахнул длинными, девчоночьими ресницами, – можно подумать сами на уроках никогда не играли.

– Нет, – честно ответил Михаил Сергеевич. – Я на всех уроках пытался построить треугольник, у которого сумма углов меньше ста восьмидесяти градусов.

– Идите, – восхищенно выдохнул сосед Смолякова по парте, рыжий, веснушчатый Сашка Денисов, – вы, что ли, геометрию совсем не учили?

– Учил, – вздохнул Михаил Сергеевич, – но надеялся: вдруг получится?

– И как? – засмеялся десятый «Б».

– Не построил, зато начал книжки читать о тех, кто сумел. Вот скажите, что вы знаете о Трансильвании?

– Там Дракула жил, – радостно сказала первая красавица класса Верочка Радкевич, изящно выставив в проход ножку в огромном ботинке на толстой рифленой подошве. Это

был последний писк подростковой моды. Обе дочери Михаила Сергеевича мечтали о такой обуви, которую их бабушка, прошедшая войну, называла «ботинками пленного венгра».

– Кроме Дракулы, в начале девятнадцатого века, в небольшой крепости Темешвар в Трансильвании служил молодой артиллерийский офицер, закончивший военно-инженерную академию в Вене. Ты, Ковальчук, сколько языков знаешь? – обратился преподаватель к верзиле, на голову выше его, увлеченно жующему жвачку и пускающему пузыри.

– Это... полтора, б... ь – добродушно улыбнулся Юрка, вызвав хохот в классе.

– Половина – это русский, – уточнил Денисов, – только мат – целиком.

– А тот офицер знал девять языков, был прекрасным танцором, играл на скрипке.

– И не было ему скучно в крепости? – скептически улыбаясь спросила Верочка, поигрывая ботинком. – С кем он там танцевал?

– С кем танцевал, не знаю, но сохранились записки современников, что однажды он был вызван на дуэль двенадцатью офицерами. Принял все вызовы, поставив условие, что в перерыве между поединками ему предоставят возможность поиграть на скрипке, и из всех поединков вышел победителем.

– Двенадцать человек убил? – жалостливо вздохнула Наташа Лукьяненко. Она всегда всех жалела, за что в классе

именовали ее «мать Тереза» и посмеивались.

– Нет, у них там действовали другие правила: до первой крови. Но скучно в крепости действительно было. И блестящий офицер нашел себе занятие, о котором его отец писал: «Я прошел весь беспросветный мрак этой ночи, и всякий светоч, всякую радость жизни в ней похоронил. Ради бога, молю тебя, оставь эту материю, страшись ее не меньше, нежели чувственных увлечений, потому, что и она может лишить тебя всего твоего времени, здоровья, покоя, всего счастья твоей жизни...».

Михаил Сергеевич, сам удивленный тем, что вдруг вспомнил давным-давно прочитанные строчки, покачнулся несколько раз с носка на пятку, оглядел класс. Вроде слушают с интересом.

– А теперь угадайте: о чем шла речь.

– Бухал, что ли? – буркнул Смоляков.

– Нет, он вообще не пил и не курил.

– Наркота?

– Думаете, в жизни больше ничего не существует? Нет, отцом офицера был известный венгерский математик Фаркаш Бойяи, по сочинениям которого в те времена обучалась вся Венгрия, и писал он о пятом постулате Евклида.

– Это про параллельные линии, которые не пересекаются, – проявила свои познания Верочка.

– Темнота, – снисходительно бросил Андрюша Немкович, – признанный лидер класса. – Через точку, не лежащую

на прямой, проходит только одна прямая, лежащая с данной прямой в плоскости и не пересекающая её.

– Верно, – кивнул Михаил Сергеевич, – но Янош Бойяи предположил, что таких прямых может быть по крайней мере две.

– Так это же геометрия Лобачевского, – Андрюша пожал плечами.

– Да, но Янош Бойяи ничего не знал о работах Лобачевского. Отец его, тоже выдающийся геометр, пытался в свое время взять эту неприступную крепость, потому и отговаривал сына от занятия, казавшегося ему бесплодной игрой мозгов.

В маленькой комнате полумрак. Худощавый молодой человек в расстегнутом военном мундире склонился над листом бумаги. Давно надо зажечь светильник, но жаль терять время. Чертежи налезают один на другой, буквы все мельче, мельче...

Юноша раздраженно отбрасывает темные пряди волос, падающие на глаза, тянется за чистым листом, но вместо него в руку попадает письмо отца: «Не пытайся одолеть теорию параллельных линий ни тем способом, который ты сообщал мне, ни каким-либо другим. Я изучил все пути до конца; я не встретил ни одной идеи, которую не разрабатывал бы» ...

– Вздор! – письмо отца летит в угол, а вместе с ним на пол

с грохотом падает чертежный прибор.

Хочешь – не хочешь, приходится вставать, с трудом возвращаясь в реальность. Дверь в комнату открывается:

– Господин младший лейтенант, быть может...

– Вон!!!

Янош Бойяи вздрагивает, испугавшись собственной вспышки гнева. Все чаще проявляются раздражительность и несдержанность, унаследованные от матери. Так он и правда восстановит против себя весь гарнизон крепости. Потом будут ходить легенды о его поединках... Но что он может поделать? Мир, который живет в голове – похож на фантастическую сказку, однако, Янош точно знает – это не бред умалишенного. Все его пространственные образы соединяются логикой, создавая новую геометрию, в которой нет изъяна. Лишь в музыке – столько же гармонии. Янош бережно достает скрипку.

Михаил Сергеевич сам увлекся. От возбуждения он говорит все быстрее, по-прежнему покачиваясь с носка на пятку и бросая короткие фразы ученикам:

– Десять лет потратил Янош Бойяи на то, чтобы довести исследования до конца. Отец не понимает работы сына, но соглашается помочь с публикацией. В 1832 году он публикует свой курс математики, приложением к которому печатает работу сына, так называемый «Аппендикс». Книгу старший Бойяи посылает другу детства, профессору Геттингенского

университета Гауссу с просьбой сообщить мнение о работе сына: «Мой сын ставит на твое мнение больше, чем на отзыв всей Европы».

Михаил Сергеевич вдруг отвлекается от рассказа:

– Кто помнит, откуда строчки:

«С душою прямо геттингенской,

Красавец, в полном цвете лет,

Поклонник Канта и поэт.

Он из Германии туманной

Привез учености плоды...»

– Ну, Михаил Сергеевич, вы всегда так, на самом интересном месте прерываетесь, – недовольно бурчит Сашка Денисов.

– Потому, что, друзья мои, книги читать надобно. Ибо сказал классик: «Вдохновение нужно в поэзии не менее, чем в геометрии».

– Это Пушкин, – робко произносит Наташа Лукьяненко. – Он о Ленском писал:

«Вольнолюбивые мечты,

Дух пылкий и довольно странный,

Всегда восторженную речь

И кудри черные до плеч».

– Умница, – Михаил Сергеевич улыбается, а Юрка Ковальчук смотрит на Наташу так восхищенно, что она краснеет и опускает глаза.

– В начале девятнадцатого века Геттингенский универси-

тет был популярен среди либерального дворянства России. Там учились братья Тургеневы, правовед Куницын. Помните пушкинское: «Куницыну – дань сердца и вина, он создал нас, он воспитал наш пламень»; вот поэтому Пушкин и отправил туда Ленского. А осенью 1808 года в университете прочитал свою первую лекцию о применении астрономии в мореплавании и в службе точного времени Карл Фридрих Гаусс. С этих пор имя его словно магнит притягивало в Геттингенский университет молодых людей, дерзнувших заняться математикой.

Тусклая свеча освещает небольшой стол, конторку, выкрашенную белой масляной краской, узкую софу да единственное кресло, в котором сидит, слегка наклонившись вперед, еще крепкий немолодой мужчина. Легкая черная шапочка прикрывает седые волосы, из-под длинного коричневого сюртука топорщится жилет и белая рубашка с отложным воротником.

Профессор Геттингенского университета, директор астрономической обсерватории, тот, кого уже давно называют «королем математиков» – непритязателен к быту. После смерти второй жены его мучает бессонница, и лишь наука дает возможность отвлечься.

На столе – пара неоконченных писем да книга Фаркаша Бойяи, доставленная с оказией. Когда-то, студентами, они принесли друг другу клятву в вечной дружбе... Каких толь-

ко глупостей не наделаешь в молодости. Часами тогда они беседовали о доказательстве пятого постулата Евклида, но Фаркаш ошибался в расчетах.

Гаусс отложил в сторону начатое письмо коллеге, пробежав глазами последнюю строчку: «Вот уже несколько недель, как я начал излагать письменно некоторые результаты моих собственных размышлений об этом предмете... никогда мною не записанных...». Вздохнул и неохотно распечатал сверток с присланной книгой. Судьба давно развела бывших друзей, странно, что Фаркаш упорно не хочет понять этого.

Читать чужой курс математики? Право, у него нет для этого ни времени, ни желания. Перелистнул страницы, собираясь закрыть, но в глаза бросилось: «Приложение, содержащее науку о пространстве абсолютно истинную, не зависящую от истинности или ложности аксиомы Евклида...».

Король математиков не оторвался от книги, пока не дочитал Приложение до конца. Теория молодого Бойяи содержала именно те результаты, которые Гаусс начал записывать. Что же, теперь необходимость в этом отпадает...

Гаусс сидит в излюбленной позе: кисти рук на коленях, локти опираются на подлокотники кресла, туловище слегка наклонено вперед. И не поймешь, куда устремлены пронзительные голубые глаза: то ли на неведомого автора теории, то ли вглубь себя.

«Несомненно, Юный Бойяи – гений первого ранга» – так в тот же вечер напишет Гаусс в письме своему другу Герлингу.

За окнами гимназии обыкновенная городская жизнь. Выпавший ночью снег выбелил улицы, широкой бахромой повис на ветках деревьев. Ивы, березы, рябины, обступившие гимназию, из сморщенных старых дев превратились в красавиц, лукаво поглядывающих из-под расписных снежных шалей. Впрочем, зима не торопится утвердиться окончательно: под ногами прохожих, под колесами машин снег превращается в бурю грязь, начисто забыв о своем первоначальном стремлении украсить город.

Чавкая в растаявшем снеге, подплывают к остановке автобусы. У младших классов занятия уже закончились: кто-то штурмует транспорт, а кто-то не торопится домой, скатываясь на кусках фанеры и обрывках картона с едва покрытых снегом горок.

Десятый «Б» не обращает внимания на шум и крики, доносящиеся со школьного двора.

– Да не тяните же, Михаил Сергеевич, что дальше-то, – почти подпрыгивает неугомонный Денисов.

– Дальше...

Учитель вздыхает. Он слишком хорошо знает: в научной деятельности разочарование – частый гость.

– Король математиков долго не отвечал на послание друга юности, а пришедший ответ радости не принес: «Хвалить работу твоего сына – значит, хвалить самого себя, ибо все содержание этой работы, путь по которому твой сын пошел

и результаты, которые он получил – почти полностью совпадают с моими, которые я получил уже лет тридцать – тридцать пять назад. Я действительно крайне поражен этим...»

– Десять лет жизни коту под хвост, – расстроено комментирует Сашка Денисов.

– А Лобачевский? – ревниво спрашивает Немкович. – Значит, он тоже не был первым?

Михаил Сергеевич всматривается в лица учеников. Давно он не видел таких горящих глаз, даже Ковальчук сидит, приоткрыв рот, забыв про свою жвачку.

– Лобачевский... – Михаил Сергеевич улыбается, – знаете, он бы пришелся вам по душе. В гимназии – прибил гвоздем к столу дневник задремавшего на уроке преподавателя латыни, удостоившись предсказания: «Из этого только разбойник вырастет»; в университетские годы в городском саду прокатился верхом на корове. Вы только представьте себе: публика чинно гуляет по саду: фраки, смокинги, на дамах – платья с пышными юбками до земли, шляпки, зонтики. И вдруг наперерез прогуливающимся несется во всю прыть корова, верхом на ней, вцепившись в рога, сидит Лобачевский, следом – с гиканьем и криками бегут студенты, подгоняя перепуганную корову хворостинами...

Не успел десятый «Б» отсмеяться, а Михаил Сергеевич продолжает:

– В тридцать четыре года одиннадцатью голосами против трех Лобачевского избрали ректором Казанского универси-

тета. Скажу по секрету: сегодня ни одному молодому ученому это не светит, будь он хоть трижды гением. Впрочем, гением быть во все времена непросто. За год до этого, в феврале 1826 года, Лобачевский выступил на заседании физико-математического факультета Казанского университета с докладом «Сжатое изложение начал геометрии со строгим доказательством теоремы о параллельных». Текст доклада не сохранился, да профессора университета, присутствовавшие на заседании, и не пытались его понять. Какие постулаты, какие теоремы... После подавления декабрьского восстания на Сенатской площади со старой геометрией не загреметь бы куда Макар телят не гонял, а этот, неугомный, все с классиками тягается...

Перед зеркалом, обрамленным золоченой резной рамой, стоит высокий, чуть сутулый мужчина в сером сюртуке и с удивлением рассматривает седую прядь в копне темно-русых волос. Когда же она появилась?

Может, когда вместе с доктором Фуксом в «дехтяных» халатах вынесли из университетской больницы первую жертву холеры и положили в костер.

Ректор университета гонит прочь воспоминания о недавних событиях: по пустынным улицам Казани, объятай холерой, ветер разносит чад и золу костров – там сжигают умерших. А на его плечах – ответственность за жизни студентов, профессоров, чиновников университета и их родствен-

ников. На полтора месяца прекратили всякое общение с городом, над университетом день и ночь клубились облака пара: здоровых и больных заставляли париться в бане, превратив в парильни все подсобные помещения университета, и удалось-таки не допустить распространения заразы. Из шестисот человек заболело всего сорок и умерло тринадцать.

Николай Иванович рассеянно крутит на пальце золотой перстень с бриллиантом – награда императора Николая I за действия во время холеры.

Уже не раз он обещал прийти к Фуксам на литературный вечер, устраиваемый женой доктора, поэтессой. Наконец, верный слову, собрался, оделся, но... как жаль терять время, и как же трудно будет удерживаться от смеха, выслушивая стихи доморощенной поэтессы. Он и сам когда-то баловался стишками, пока, прочитав Пушкина, не забросил. Беда не в том, что стихи Александры Андреевны откровенно плохи, а в том, как настойчиво выпрашивает она его мнение, ожидая похвал... Пожалуй, лучше держаться от греха подальше... И так говорят, что он превышает свои полномочия, заносчив с профессорами, снисходителен со студентами, которые потихоньку рассказывают истории о его приключениях, вроде скачек на корове. Ну, что поделаешь: у матери не было средств, чтобы учить сыновей. Повезло: взяли учиться за казенный счет, вот и поспорил с одним из богатых студентов на деньги, что прокатится на корове. Зато сколько нужных книг сумел купить...

Лобачевский снимает сюртук, педантично прячет в шкаф: матушка приучила к аккуратности и бережливости. Бог с ним, этим литературным вечером: не так уж много времени выпадает для занятия тем, к чему лежит душа.

Когда-то Николай Иванович верил, что его работы если не осчастливят, то хотя бы заинтересуют человечество. Но все более им овладевает скептицизм. «Казанский вестник» еще в 1929 году опубликовал мемуар «О началах геометрии». Прошли годы, никто из коллег не пожелал вникнуть в суть. Быть может, в Москве или Петербурге... Ходит много разговоров о математике Остроградском, преподающем в столице. Если бы хотя бы один человек понял...

– Остроградский понял? – с надеждой спрашивает Наташа Лукьяненко.

Михаил Сергеевич вздыхает:

– Тщеславие, как и обычную зависть, в научной среде никто не отменял. Остроградский, один из основателей Петербургской математической школы, с неприязнью отнесся к работе казанского коллеги. Его отзыв часто цитируют: «Автор, по-видимому, задался целью писать таким образом, чтобы его нельзя было понять. Он достиг этой цели; большая часть книги осталась столь же неизвестной для меня, как если бы я никогда не видал её». Более того, с подачи Остроградского появилась статья в журнале «Сын Отечества», дабы обратить внимание государя императора на того, кому он дове-

рил воспитывать в Казани студентов. В статье анонимные авторы работу Лобачевского объявили сплошной нелепостью, отказав ему даже в наличии здравого смысла.

– И никто-никто не поддержал Лобачевского? – на глазах у Наташи слезы.

– При жизни – нет. Хотя известно, что изданная в Берлине в 1840 году книга Лобачевского «Геометрические исследования по теории параллельных прямых» произвела большое впечатление на Гаусса. Однако лишь в письмах к друзьям король математиков позволял себе восхищаться автором книги. В 1842 году Гаусс даже представил Лобачевского к избранию в Гёттингенское королевское научное общество как одного из выдающихся математиков российского государства. Но признание идей Лобачевского в научном мире произошло спустя почти десять лет после его смерти, когда была опубликована переписка Гаусса.

– Но почему Гаусс не поддержал ни Лобачевского, ни Бойяи? Он, быть может, единственный, кто сумел понять, – недоумевает по-юношески прямолинейный и открытый Денисов.

– Корону боялся потерять, б...ь, – рывкает обычно добродушный Юрка.

– Ковальчук! Здесь девочки, – Михаил Сергеевич не расстается с надеждой перевоспитать Ковальчука, но сейчас делает замечание скорее по инерции.

– Слишком революционны были эти идеи. Гауссу не хо-

телось спорить, доказывать... Он поклонялся лишь чистой науке, а полемика могла отвлечь от работы.

– Просто Гауссу это было не нужно. И никому это не было нужно: какая разница окружающим, сколько линий можно провести через ту или иную точку? У людей другие проблемы были тогда и есть сейчас, – спокойно резюмирует Смоляков.

Кажется, он единственный из всего десятого «Б» остался равнодушен к истории открытия.

– Тебе интересно лишь то, что можно купить или продать на рынке, – голос Наташи Лукьяненко звенит, поражая несвойственной ей запальчивостью.

– Да нет, по-своему, Смоляков прав, – учитель огорченно вздыхает. – С точки зрения многих разумных людей, возможно, действительно не стоило тратить жизнь на какую-то там воображаемую геометрию.

Михаил Сергеевич зачем-то вынул носовой платок, растерянно тут же засунул в карман, продолжил негромко, медленно подбирая слова и вглядываясь в лица сидящих перед ним:

– Не знаю, поймете ли вы... Есть идеи, которые приходят и овладевают человеком. Они не спрашивают, подходящее ли для этого время, выгодно ли развивать их, и вспомнит ли автора благодарное потомство... Просто если уж оно тебя посетило – невозможно перестать думать об этом. Бой-и принадлежат слова: «Подобно тому, как фиалки весной

произрастают всюду, где светит солнце, многие идеи имеют свою эпоху, во время которой они открываются одновременно в различных местах». Как невозможно запретить фиалкам цвести, так невозможно запретить человеку думать.

Михаил Сергеевич помолчал, задумчиво улыбнулся:

– Вы только вдумайтесь: больше двух тысяч лет поколения за поколениями верили в пятый постулат Евклида, и вдруг сразу три человека, живущих в разных странах, допускают, что есть условия, когда он не исполняется, предполагают, что сумма углов в треугольнике может быть меньше 180 градусов, и на основе этого создают геометрию, положения которой парадоксальны, но, тем не менее, не содержат ничего невозможного. А что касается практического применения... Одна из наиболее популярных космологических моделей представляет Вселенную как трехмерное пространство Лобачевского, с меняющейся во времени кривизной; уравнения гравитации Эйнштейна в значительной степени воплощают в себе идеи неевклидовой геометрии; эксперименты по столкновениям элементарных частиц блестяще подтвердили, что углы, под которыми разлетаются частицы и их скорости предельно точно могут быть рассчитаны на основе формул геометрии Лобачевского... Простите, ребята, я увлекся, – смущенно прервал себя учитель.

– А Бойяи смирился с тем, что не был первым? Что с ним было потом? – Верочка Радкевич нервно накручивает на палец падающую на глаза прядь волос, позабыв про свой титул

красавицы.

– Потом все было плохо, – вздыхает Михаил Сергеевич. – В руки Яноша Бойяи попала книга Лобачевского. Он не поверил в существование такого ученого где-то в далекой России и решил, что это «геттингенский скряга» выпустил работу под псевдонимом, тем самым украв труд всей его жизни. Нервное потрясение привело к тому, что Бойяи оказался на грани помешательства.

Михаил Сергеевич грустно усмехнулся:

– Занятия наукой бывают небезопасны для здоровья.

– Лучше бы отца слушал и жил, как другие, – бормочет себе под нос Димка Смоляков.

Звонок с урока возвращает всех в реальный мир, живущий по своим законам.

В коридоре у окна нервно потирает ладони аспирант Михаила Сергеевича.

– Миша, что вы здесь делаете?

– Уезжаю я, попрощаться зашел. Отец настаивает, говорит: «Наука – баловство, а семье выживать надо». У нас и правда дома мал-мала меньше...

Михаил Сергеевич понимающе кивает головой:

– Чем собираетесь заниматься?

– Тем же, чем все. Буду ездить в Польшу, торговать...

– Удачи. И помните, Миша, надумаете вернуться – буду вам рад.

Михаил Сергеевич не отрываясь смотрит, как размахивая руками, длинный, нескладный, словно Гулливер в стране лилипутов, Миша пробирается по коридору сквозь толпу малышни, высыпавшей из продленки.

– Михаил Сергеевич, дорогой! – на щуплого профессора в вытертых джинсах обрушивается двухметровый гигант. – Как я рад вас видеть!

С трудом освободившись от объятий, немного помятый, Михаил Сергеевич улыбается представительному молодому мужчине в отлично сшитом черном костюме:

– Здравствуй, Юра. Видишь, изучаю твой доклад. Оригинальное решение задачи, эти трое одобрили бы, – Михаил Сергеевич кивает в сторону портретов.

– Правда? – видно, что собеседник искренне рад. – Мы с Наташей часто вспоминаем вас. Помните, я в гимназии мог отвечать урок, только матерясь через слово, а вы заставляли меня писать ответы в тетради и красным карандашом исправляли грамматические ошибки. Я ведь, Михаил Сергеевич, благодаря вам, русский язык выучил.

– Приму к сведению и буду гордиться, – смеется профессор.

– Подождите, я вас сейчас с соавтором познакомлю.

Ковальчук отходит и через минуту возвращается, ведя за руку стройную молодую женщину. Узкая серая юбка и нежно-розовая блузка, туфли на высоких каблуках, строго за-

крученные на затылке волосы, умелый макияж так изменили нескладную девочку-подростка, что Михаил Сергеевич не сразу узнает Наташу Лукьяненко. Опять начинаются объятия.

– Ну, вообще-то я так и подозревал, что фамилия соавтора «Лукьяненко» – не случайное совпадение, – улыбается бывший учитель, – но даже представить себе не мог, что ты, Наташа, станешь такой красавицей. Повезло Юре.

– Ага, еще как, – Ковальчук, как обычно, добродушен, – а помните, Михаил Сергеевич, как я пришел к вам совета просить перед первым в жизни свиданием? Я ведь к ней тогда и собирался.

Михаил Сергеевич смотрит на Наташу, и по губам пробегает лукавая улыбка:

– Извини, Юра, совсем забыл, начисто.

– Простите пожалуйста, – к оживленно беседующей троице подходит мужчина лет сорока с небольшим. – Михаил Сергеевич, мы с вами не знакомы, извините, что прерываю ваше общение, но, к сожалению, сразу после заседания я вынужден уехать, а очень бы хотелось передать вам одну вещь. Вы помните Мишу Петровского?

– Да, конечно, – Михаил Сергеевич мгновенно стал серьезным. – Ребята, вы извините, еще поговорим. Что с Мишей?

Незнакомец вместо ответа расстёгивает папку, достает

журнал американского физического общества.

– Я – однокурсник Миши, сейчас работаю в Иллинойском университете в Чикаго. В последнем номере Physical Review опубликована статья, вызвавшая большой интерес. Но я-то помню, Вы с Мишей еще двадцать лет назад работали над этой темой, и вроде даже статью публиковали...

Михаил Сергеевич быстро листает журнал, вздыхает:

– Работали. Выступили с докладом на республиканской конференции, но тезисы доклада так и не опубликовали: у института не было денег, бумаги, типография бастовала. Остается радоваться, что были на правильном пути. Но что с Мишей? Где он?

– Насколько я знаю, он перегонял машины из Польши и однажды не вернулся из поездки. Время такое было...

– Да, время...

Они какое-то время молчат, потом однокурсник Миши уходит, а Михаил Сергеевич еще долго стоит в опустевшем фойе, вертит в руках журнал, вспоминая своего первого аспиранта.

В актовом зале университета под пристальным взглядом трех гениев Наташа Лукьяненко тормозит мужа и шепотом спрашивает:

– Юрка, что он тебе сказал, когда ты просил совета перед свиданием? Ты же помнишь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.